

okresie zdecydowanie powiększyła się grupa nazwisk derywowanych sufiksalnie, największą zaś aktywność w tworzeniu nazwisk wykazywały trzy formanty: *-ski/-cki*, *-owicz/-ewicz*, *-uk/-czuk*, przy czym ten ostatni ograniczał się niemal wyłącznie do antroponimii chłopskiej.

Przedstawiony w recenzowanej książce korpus jednostek nazewniczych potwierdza w całej rozciągłości tezę o obecności w polskich dziejach elementu etnicznie zróżnicowanego, świadczy również niezbitnie o sile społeczeństwa przyjmującego, w tym przede wszystkim kultury szlacheckiej, czego przejawem była daleko posunięta polonizacja nazwisk wieloetnicznej społeczności, która zamieszkiwała północno-wschodnie kresy Rzeczypospolitej w XVI XVII w.

Na zakończenie warto się odnieść do imponującego pod względem ilościowym wykazu literatury. W bibliografii uwzględniono monografie i artykuły naukowe, głównie polskich badaczy, w mniejszym stopniu zagranicznych, najistotniejsze z punktu widzenia celu, jaki przed sobą postawiła Autorka.

Recenzowana monografia to istotna i wartościowa publikacja wzbogacająca literaturę naukową z zakresu antroponimii historycznej na północno-wschodnich ziemiach Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Jest ona skierowana nie tylko do wąskiego grona specjalistów zajmujących się opisem różnych aspektów słownictwa propriального, lecz także do szerokiego kręgu tzw. odbiorców przeciętnych, chcących poznać historię nazwisk, które noszą.

*Elżbieta Bogdanowicz
Białystok*

Е. Шаповалова, Т. Михеева, КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ СУБСТАНТИВНЫХ ЕДИНИЦ), Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014, сс.134.

Во фразеологической системе современного русского языка своеобразное место занимают субстантивные единицы типа *живая летопись*, *бесструнная балалайка*, *собачья радость*, *хитрый Митрий*. Они не раз подвергались детальному исследованию с точки зрения грамматических свойств, семантики и тех факторов, которые способствовали их возникновению, однако не описывались достаточно подробно в аспекте их функционирования в речи.

Именно для восполнения этого пробела предназначена вышедшая из печати в саарбрюккенском издательстве LAP книга Е. Шаповаловой и Т. Михеевой

Коммуникативно-функциональные аспекты русских фразеологизмов (на примере субстантивных единиц), в которой в новом ракурсе представлены единства и сращения, встречающиеся в художественной литературе (начиная с произведений Пушкина), в публицистике и научно-популярной литературе 50–90-х гг. XX века. Бесспорная востребованность данной работы объясняется, во-первых, самим коммуникативным аспектом исследования фразеологических субстантивов, во-вторых, тем, что сущность их речевой природы раскрывается на многочисленных примерах из литературы и, в-третьих, тем фактом, что исследованию русских неразложимых словосочетаний уделяется в последнее время относительно мало внимания.

Хотя объём двух основных частей книги не превышает 120 страниц, авторам удалось представить устойчивые единицы как со стороны ономаσιологической и семантической структуры, так и с точки зрения их номинативной типологии, базирующейся на многофункциональности фразеологического знака.

В первой части – «Коммуникативно-функциональные условия формирования субстантивных фразеологических единиц» (с. 4–64) – исследуются три мало изученных вопроса: 1) коммуникативный фактор формирования фразеологизмов (с. 4–13), 2) способы образования фразеологической номинации (с. 14–21) и 3) семантические параметры субстантивных фразеологических единиц (с. 21–64).

Говоря о коммуникативном факторе образования субстантивов, который понимается как «присущие языку системные возможности преобразования словоформ, словосочетаний и предложений свободного употребления в косвеннономинативные устойчивые языковые организации в актах многократного общения и сообщения», Шаповалова и Михеева отмечают, в частности, что он неразрывно связан с преобразованием их значения, а также с устойчивостью и воспроизводимостью в различных речевых ситуациях (с. 13). Подтверждение же коммуникативной природы именных фразеологизмов авторы усматривают, с одной стороны, в закреплённости их непроцессуальных признаков в определённой грамматической форме, ср.: *в один присест*, *не у дел*, с другой же, в расчленении идиом на идентифицирующие знаки, обозначающие реалии объективного мира, ср.: *антонов огонь* ‘гангрена’, *львиный зев* ‘антирринум’, и предикатные единицы, называющие предметно представленные свойства, качества, состояния и т.д., ср.: *вольный казак* ‘независимый человек’, *ходячая газета* ‘человек, который знает и распространяет новости и сплетни’, *тёртый калач* ‘очень опытный человек’, и, наконец, в неаддитивности сложения значений компонентов, составляющих ту или иную идиому, ср.: *белый лебедь* ‘сторублёвая купюра в до-революционной России’ или *синий чулок* ‘женщина, лишённая женственности, обаяния и всецело поглощённая книжными, учёными интересами’ (с. 11–12).

Авторы информируют также о том, что наряду с коммуникативным фактором важную роль в формировании фразеологической номинации играют и се-

масиологические механизмы. В наиболее общем виде их можно представить следующим образом. Некий элемент реальности (P) обозначается каким-то определённым словом или словосочетанием (C/СС). При этом отношения $P_1 - CC_1$ являются отношениями прямой номинации, а отношения $P_1 - CC_2$ – косвенной, т.е. результатом переноса значения, когда по своей сути CC_2 начинает в силу ассоциативных связей между P_1 и P_2 обозначать также и P_2 . Первым этапом фразеологизации Шаповалова и Михеева считают наличие в языке как отношений $P_1 - CC_1$ (прямой номинации), так и отношений $P_1 - CC_2$ (косвенной номинации). При семантическом переосмыслении словосочетания в целом образуется вторичная косвенная номинация – фразеологизм (с. 18–20).

Рассматривая вопрос смысла субстантивов, авторы пользуются понятием фразеологической параметризации, на основе которого в составе фразеологических единиц выделяют пять семантических параметров: экспрессивный, эмотивный, аксиологический, модальный и национально-культурный (с. 25–64). Экспрессивность понимается авторами как комплексное отражение образности, внутренней формы и символики, ср.: *ботало коровье* ‘болтун’, *змея подколенная* ‘злой, коварный, подлый человек’, *агнец божий* ‘олицетворение кротости, непорочности’. Эмотивность рассматривается ими как способность выражать чувство-отношение к обозначаемому, ср.: *цыплячьи мозги* ‘о человеке небольшого ума, ограниченных умственных способностей’, *презренный металл* ‘деньги, золото и др.’. Аксиологичность представляется как самостоятельный вид субъективных функционально-смысловых отношений, включающий ценностную ориентацию и оценку, ср.: *обетованная земля* ‘место, где царит изобилие’, *мокрая курица* ‘размазня’. Специфику же модальности авторы усматривают в способности выражать значение, например, достоверности/недостоверности сообщаемого, ср. *бог мой* ‘конечно же, без всяких сомнений’, или интеллектуальное отношение к сообщаемому, ср. *воля ваша* ‘учтивая форма выражения согласия / несогласия с чем-либо’. Национально-культурный параметр Шаповалова и Михеева связывают с уникальностью национального духа, мышления и культуры народа, чётко проявляющейся в таких субстантивах, как, напр.: *сарафанная почта* ‘новости, которые передаются друг другу женщинами’ или *круговая порука* ‘взаимное укрывательство в неблагоприятных делах’.

Особый интерес вызывает вторая часть книги, в которой освещается проблема функциональной типологии фразеологических субстантивов (с. 65–120).

На том основании, что идиоматика – косвеннономинативная система обозначений, обладающая яркой коммуникативно-прагматической направленностью, авторы строят свою классификацию с учётом трёх факторов, т.е. коммуникативной функции фразеологических субстантивов, их семантики, включающей ономасиологический и семасиологический аспекты, а также семантико-грамматической характеристики.

С точки зрения роли субстантивов в процессе коммуникации Е. Шаповалова и Т. Михеева выделяют пять основных типов единиц:

- 1) фразеологизмы в идентифицирующей функции, напр.: *голубые каски* ‘вооружённые силы ООН’, *марьин корень* ‘многолетнее растение семейства лютиковых’, *почтовый ящик* ‘учреждение закрытого типа’;
- 2) единства и сращения в предикатной функции, напр.: *особая статья* ‘не-что (совсем) иное; то, что не следует смешивать с остальным’; *прежняя песня* ‘то, о чём часто говорится, что давно известно’; *ходячий справочник* ‘о человеке, обладающем обширными знаниями, у которого всегда можно получить сведения по каким-либо вопросам’;
- 3) идиомы в модальной функции, напр.: *власть ваша* ‘как вам будет угодно’; *право слово* ‘в самом деле, правда’; *ясное дело* ‘безусловно, конечно же, без всяких сомнений’;
- 4) фразеологические структуры в функции частиц, выражающие, в частности:
 - утверждение, ср.: *понятное дело*, *дело хозяйское*;
 - отрицание, ср.: *мысленное (ли) дело*, *статочное (ли) дело*;
 - побуждение-пожелание, ср.: *многая (многие) лета* ‘пожелание долголетней жизни и благополучия’;
 - побуждение-допущение, ср.: *воля ваша* ‘решайте, поступайте, как хотите’;
 - волеизъявление, напр.: *царствие небесное* ‘пожелание умершему загробной жизни в раю’, *ваше здоровье* ‘в старинном этикете: почтительное обращение лица нижестоящего по общественному положению к лицу вышестоящему’;
- 5) устойчивые словосочетания в междоменной функции, напр.: *кой чёрт* ‘выражение сильного возмущения, неудовольствия’, *ядрёна вошь* ‘выражение порицания’.

Говоря о пяти типах субстантивов, авторы не упускают из виду наличия синкретивов, которые совмещают в себе значения признаков и идентифицирующих, признаков и междоменных или же модальных и междоменных функций.

Ономасиологический и семасиологический подходы к изучению субстантивов позволяют Шаповаловой и Михеевой классифицировать их в аспекте таких понятийных категорий, как предметность, признаковость и релятивность. Концентрируясь именно на этих категориях, авторы подробно описывают две группы фразеологизмов – номинации лица и не-лица, иллюстрируя каждую из них богатым языковым материалом (с. 93–119).

Поскольку номинации лица представлены в нозматическом пространстве субстантивов в широком объеме, Шаповалова и Михеева рассматривают их в трёх основных фразеогруппах: 1) названия исчисляемых / неисчисляемых лиц, ср. *каждая собака* ‘о человеке: всякий, любой, каждый’ и *бабье царство* ‘о скоплении женщин; о группе женщин, объединённых общим делом, работой’; 2) но-

минации качественной характеристики лица, напр.: *дырявая голова* ‘человек с очень плохой памятью’, *сосуд скудельный* ‘слабый, недолговечный человек’, *божья коровка* ‘тихий, безобидный, не умеющий постоять за себя человек’, *холодный сапожник* ‘бракодел, неумельца, неискusstный человек’; 3) названия социального статуса лица, напр.: *чёрная кость* ‘человек незнатного происхождения’, *мелкая сошка* ‘невлиятельный человек’, *отрезанный ломоть* ‘отделившийся от семьи, ставший самостоятельным’, *запечный мастер* ‘палач’.

В свою очередь имена не-лица, которые также представлены большим количеством примеров, членятся на четыре разряда: 1) номинации конкретных предметов, напр., физических тел, ср.: *светило ночное* ‘луна’, реалий быта, ср. *деревянный тулуп* ‘гроб’, учреждений и различных заведений, ср. *каменный мешок* ‘острог, тюрьма’, соматизмов, ср. *адамова вилка* ‘пальцы’, флоризмов, ср. *маткина душика* ‘душистая фиалка’, зоонимов, ср. *водяной бык* ‘обыкновенная выпь, птица семейства цапель’ и локативов, ср. *злачное место* ‘место, где развлекаются; место, где можно жить без труда и забот’; 2) номинации абстрактных предметов, выражающие, напр., качество, ср. *старая песня* ‘что-либо надоевшее’, свойство, ср. *слабая струнка* ‘наиболее чувствительное, уязвимое место, черта характера, на которую легко воздействовать’, состояние, ср. *кровавый пот* ‘полное изнурение, изнеможение от непосильной работы’, действие и способы действия, ср. *пиррова победа* ‘победа, обесцененная чрезмерными потерями’; 3) названия вещественных предметов, напр.: *девичья кожа* ‘лакомство, приготовляемое из отвара алтейного корня с белками и сахаром’, *хлопчатая бумага* ‘вата’; 4) номинации собирательных предметов, напр.: *братья меньшие* ‘животные’ или *золотая казна* ‘деньги’.

В заключение следует сказать, что рецензируемая книга предстаёт перед нами как целостная по своей концепции. Она написана на большом и интересном материале, существенно обогащает учение о субстантивных устойчивых единицах и бесспорно принесёт пользу всем, кто интересуется русской фразеологией.

Однако при всех очевидных достоинствах книга, к сожалению, не лишена недостатков, главным образом, редакционного характера. Работу можно упрекнуть, напр., в повторах, ср. сс. 2 и 82, 4 и 5, 8 и 9, 14 и 15, в многочисленных опечатках, напр. на с. 8, 21, 24, 89, в грамматических упущениях, см. с. 7 и 84, или же в лексических промахах, напр. на с. 10 и 71. Вину за это разделяет и издательство LAP LAMBERT Academic Publishing, которое (увы!) не редактирует и не рецензирует своих публикаций.

Marek Marszałek